

УДК 81-26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/18

ЦЕННОСТНЫЕ КОНСТАНТЫ РУСИНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ (НА ФОНЕ УКРАИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)*

О.В. Ломакина^{1,2}, В.М. Мокиенко³

¹ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Россия, 117198, г. Москва, ул. Иловайская, 9/2

² Российский университет дружбы народов
Россия, 109651, г. Москва, ул. Миклухо-Макляя, 6
E-mail: rusoturisto07@mail.ru

³ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: mokienko40@mail.ru

Авторское резюме

В статье анализируются паремии русинского языка в аксиологическом аспекте, извлеченные приемом сплошной выборки. В качестве паремиографического источника выступает «Русинско-украинско-русский и русско-украинско-русинский словарь» Димитро Попа, а также украинские и русские словари пословиц. Пословичный фонд распределен по группам в соответствии с типологией ценностей, наиболее репрезентативными среди которых являются следующие группы: *здоровье – болезнь, вера – бог, трудолюбие – лень, богатство – бедность*. Поскольку русинская фразеология является органической частью единого восточнославянского языкового пространства, то русинские пословицы в данной статье анализируются на фоне русских и украинских паремий. Это позволило показать специфику русинских пословиц, проявляющуюся в основном в форме паремий, а не в их содержании. В количественном отношении преобладают паремии, репрезентирующие ценностную диаду *богатство – бедность*, что отражает общую тенденцию паремиологии: пословицы с

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01062 «Русская народная фразеология в лексикографическом освещении (принципы и разработка «Полного фразеологического словаря русских народных говоров»», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете). Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

компонентом деньги частотны в ряде языков. Выявление национально специфического на фоне общего помогает более объективно и детализированно раскрыть аксиологический потенциал как русинской паремиологии, так и сопоставляемых (и сопоставимых) с ней близкородственных украинской и русской.

Ключевые слова: паремиология, пословица, русинские пословицы, русские пословицы, украинские пословицы, ценностные константы.

VALUE CONSTANTS OF THE RUSIN PAREMIOLOGY (COMPARED WITH THE UKRAINIAN AND RUSSIAN LANGUAGES)*

O.V. Lomakina^{1, 2}, V.M. Mokienko³

¹ St. Tikhon's Orthodox University,
9/2 Ilovayskaya Street, Moscow, 109651, Russia

² People's Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russia

E-mail: rusoturisto07@mail.ru

³ St. Petersburg State University
11 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: mokienko40@mail.ru

Abstract

The article analyses the axiological aspect of Rusin paroemias extracted by the method of continuous sampling on the basis Dimitro Pop's Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusin Dictionary as well as Ukrainian and Russian proverb dictionaries. The proverbial fund is divided into groups according to the typology of values, the most representative of which are the following groups: "Health – Disease", "Faith – God", "Diligence – Laziness", "Wealth – Poverty". Since the Rusin phraseology is an organic part of the single Eastern Slavic language space, the Rusin proverbs are analysed against the background of the Russian and Ukrainian paroemias. This made it possible to show the specificity of Rusin proverbs manifested mainly in the form of paroemias, not in their content. Quantitatively, the proverbs representing the dyad "Wealth – Po-

* The research is supported by the Russian Science Foundation (Project Nr. 17-18-01062 "Russian Folk Phraseology in Terms of Lexicography (Principles and Development of the "Complete Phraseological Dictionary of Russian Folk Dialects" at St. Petersburg State University). The publication is supported by the "RUDN University Program 5-100".

verty" prevail, which reflects the general tendency of paremiology: proverbs with the "money" component are the most frequent in a number of languages. Identifying specifically national against general allowed more objective and detailed description of the cognitive potential of both Rusin paremiology and its closely related Ukrainian and Russian paroemia.

Keywords: paremiology, proverb, Rusin proverbs, Russian proverbs, Ukrainian proverbs, value constants.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Информация об окружающем мире, перерабатываясь в сознании человека, воплощается вербально и представляет собой хранилище различной информации. Пословицы, будучи кладезем мудрости, рецептом поведения в обществе, своеобразной «упаковкой опыта» (М.А. Бредис), несут культурологическую информацию. По точному наблюдению Т.Б. Радбиля, «в научной парадигме современной лингвокультурологии давно стоит закономерный вопрос о базовых единицах культуры, воплощенных в языковых значениях, моделях и категориях национального языка» (Радбиль 2018: 23). Одним из направлений описания уникального паремиологического материала является аксиологический аспект, который выдвинул опирающийся на идеи антропоцентризма постулат: «Мир человека – это всегда мир ценностей» (Гусев, Тульгинский 1985: 49). Е. Бартминьский считает аксиологический аспект языка достойным внимания сегодня, «так как духовные ценности являют собой "сердцевину" культуры, неразрывно связанную с языком» (Бартминьский 2005: 38). В этом ракурсе социум предстает как маркер оценки людей, их поведения, поступков.

Сравнительно-сопоставительная лингвистическая аксиология ставит своей целью определение ценностных констант и ценностных переменных, для чего требуется на материале языковых единиц представить иерархию ценностей в «кресте реальности» (В.Н. Телия).

Паремиология русинского языка формировалась под влиянием ряда языков, прежде всего украинского и русского, и не без влияния чешского, словацкого и венгерского. Уже поэтому ценностные константы, отраженные русинским паремиологическим материалом, значимы как субъект особой национальной культуры и объект различных межъязыковых взаимодействий. Кроме того, актуальность исследования связана с необходимостью последовательного описания фразеологического состава русинского языка (см., напр.: Копорова и др. 2016; Ломакина, Мокиенко 2016; Ломакина, Мокиенко 2018).

Цель данной статьи – выявить ценностные константы русинского народа, отраженные в пословицах. В качестве материала исследования выступила авторская картотека, включающая более 100 паремий, отражающих систему ценностей. Паремиографический источник – «Русинско-украинско-русский и русско-украинско-русинский словарь» Димитро Попа, а также украинские и русские паремиологические собрания.

АНАЛИЗ РУСИНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В настоящее время существуют различные классификации ценностей. Например, Л.К. Байрамова выделяет 10 диад конвенциональных ценностей: 1) жизнь – смерть; 2) здоровье – болезнь; 3) счастье – несчастье; 4) родина – чужбина; 5) труд – отдых; 6) богатство – бедность; 7) ум – глупость; 8) правда – ложь; 9) смех – плач; 10) рай – ад (Байрамова 2014: 10). Инвентаризация языкового (прежде всего, паремиологического) материала позволяет уточнить перечень ценностей, выделив ядро и периферию состава. Русинская паремиология и фразеология дают немало материала для наблюдений за межславянским языковым взаимодействием. «Находясь на границе восточнославянского и западнославянского мира, русины сохраняют свою генетическую приверженность к Восточной Славии, но в то же время открыты к взаимодействию с западнославянским пространством» (Ломакина, Мокиенко 2016: 126). В целом такая общая классификация применима и для анализа русинской паремиологии, где представленные константы также весьма репрезентативны. Рассмотрим некоторые из них, выявляя ценностные константы русинской паремиологии в русле конфронтативной методики, т. е. сопоставляя их с близкородственными украинскими и русскими паремиями и проверяя достоверность фиксации последних в наиболее полных собраниях пословиц и поговорок соответствующих языков. Тем самым будет сделана попытка выявления собственно русинской специфики на фоне общих восточнославянских паремий.

1. Группа «здоровье – болезнь» представлена следующими русинскими паремиями: *Кобы здѳрѳвля, а грѳхи будуть* – укр. *Було б здоровя, а грѳхи будуть* – рус. *Было б здоровье, а грехи будут*; *Голові здѳрѳвля не мѳшає* – укр. *Голові здоровя не мѳшає* – рус. *Голове здоровье не мешает*; *И майбѳлшому панови хворота допанує* – укр. *І великого пана хвороба здолає* – рус. *И великого пана болезнь победит*; *Лѳпша хоть яка пѳлла страва, ги добрый лѳк* – укр. *Краще несмачна їжа, нѳж смачнѳ лѳки* – *Лучше невкусная еда, чем вкусные лекарства*.

В представленных пословицах говорится о важности здоровья, о том, что болезнь не выбирает богатых или бедных. Сопоставление этих пословиц с украинскими и русскими, согласно материалам словаря Д. Попа, на первый взгляд, обнаруживает их большое сходство, если даже не тождество. Однако обращение к надежным и обширным украинским паремиологическим источникам показывает, что это далеко не так. Вот украинские параллели к первой пословице, отраженные в фундаментальном собрании М.М. Пазяка.

Первая пословица зафиксирована лишь в одном сборнике, изданном в США¹, и по своей форме полностью совпадает с русинской, зарегистрированной Д. Попом: *Коби здоров'я, а гріхи будуть* (ПП 1990: 172).

Остальные же пословицы, структурно и образно перекликающиеся с ней, имеют иную форму или содержание:

Було б здоров'я, а все інше буде; Було б здоров'я, а все інше наживем; Було б здоров'я – і розум буде (ПП 1990: 170); *Світ великий, було б здоров'я* (ПП 1990: 172); *Було б здоров'я, а робота завжди знайдеться* (ПП 1990: 487).

Эти факты позволяют предположить, что первая (отраженная лишь в американском издании украинских пословиц) фиксация – это именно русинская пословица, а украинские имеют иную структуру и семантику.

Русская же пословица, приведенная Д. Попом как эквивалент украинской, отсутствует в «Большом словаре русских пословиц» (БСРП).

Зафиксированы лишь структурно близкие паремии, где компонент «грех» вообще не представлен: *Было бы здоровье, а остальное приложится* (Спирин 1985: 120); *Было бы здоровье да совесть чиста* (Подобин, Зимина 1956: 74).

Аналогична ситуация и с паремиологической «триадой» русин. *Голові здор'я не мішає* – укр. *Голові здоров'я не мішає* – рус. *Голове здоровье не мешает*. В украинских источниках ее вообще не зафиксировано, а известны лишь варианты, причем первый, близкий к русинскому, отмечен именно в Закарпатье: *Голові здоров'я ніколи не шкодить; Горе стихає, а здоров'я зникає – і радість минає* (ПП 1990: 171).

Русский же «эквивалент» является, по-видимому, псевдозэквивалентом, т. е. буквальным переводом русинского, ибо в сводном словаре русских пословиц отсутствует.

Подобные несовпадения русинских паремий с украинскими и русскими обнаруживают и две другие вышеприведенные «триады»: *И майбұлшому панови хворота допанує* – укр. *І великого пана хвороба*

здолає – рус. *И великого пана болезнь победит*; *Ліпша хоть яка пўлла страва, ги добрый лік* – укр. *Краще несмачна їжа, ніж смачні ліки* – рус. *Лучше невкусная еда, чем вкусные лекарства*. Собственно, даже такие словосочетания, как *великий пан* и *вкусные лекарства*, предсказывают их искусственность в русской паремиологии, что подтверждает отсутствие их реальных фиксаций. Нет этих пословиц и в украинском тезаурусе М.М. Пазяка, что говорит об регионально-национальной русинской самобытности.

2. Группа «вера – Бог» представлена следующими русинскими паремиями: *Дав Бог днину – дасть и годіну* – укр. *Буде день – буде і пожива* – рус. *Будет день – будет и пища*; *Гадав имити Бога за ноги, а имив чорта за хвіст* – укр. *Думав взяти Бога за ноги, а взяв дідька за хвіст* – рус. *Думал взять Бога за ноги, а взял черта за хвост*; *Кого Бог бє, того и чорт морить* – укр. *Коли Бог карає, дідько добавляє* – рус. *Когда Бог карает, дьявол добавляет*; *Кого Богови не треба, того и чорт не бере* – укр. *Кого Бог не хоче, того й дідько не бере* – рус. *Кого Богу неугодно, того и черт не берет*; *Кому ся видить, най ся перестить* – укр. *Кому мріється, хай перехреститься* – рус. *Кому мерещится, пусть перекрестится*; *Ко ся змыгать, тому и Бог помыгать* – укр. *Роби небоже, то й Бог поможе* – рус. *Боже, поможи, а ты на боку не лежи*; *Молитва місто не глядять* – укр. *Молитва місця не шукає* – рус. *Молитва места не ищет*; *Правду кажуть люди, як Бог дасть, так і буде* – укр. *Правду кажуть люди, як Бог дасть, так и буде* – рус. *Правду говорят люди – как Бог даст, так и будет*; *Не так ся стало, як ся гадало* – укр. *Людина гадає, а Бог рішає* – рус. *Человек предполагает, а Бог располагает*.

Естественно предполагать: на уровне сакрального концепта представления о Боге и вере у трех восточнославянских народов совпадают, что прямо связано с общей христианской традицией. И это действительно так, особенно в случае таких паремий, как *Дав Бог днину – дасть и годіну*; *Правду кажуть люди, як Бог дасть, так і буде*; *Ко ся змыгать, тому и Бог помыгать*; *Молитва місто не глядять*. Неслучайно первая пословица является прямой цитатой из Библии (ср. греч. *Ὁ τὴν ἡμέραν διδοῦς καὶ τὰ εἰς ἡμέραν σοὶ δώσει* – Матф. 6, 31. Ср.: Лук. 12, 22–24). В двух же русинских пословицах Божья воля отражена имплицитно: *Кому ся видить, най ся перестить*; *Не так ся стало, як ся гадало*. В первом случае упование на Божью помощь выражается обычаем накладывать на себя крест при сложных обстоятельствах или в случае сомнений, нерешительности выбора и т.п. Эта пословица представлена во всех трех языках. Вторая отражает более «закодированное» представление о Боге, причем не только безличной формой глагола, но и неопределенностью предварительных

человеческих планов, предположений, которые в итоге не сбываются. Украинский же и русский эквиваленты прямо эксплицируют представление о судьбоносности Божьих решений – как и большинство их европейских параллелей: англ. *Man proposes but God disposes*; фр. *L'homme propose, Dieu dispose (et la femme impose)*; нем. *Der Mensch denkt, Gott lenkt*; чеш. *Člověk míní, Pánbůh mění*; ит. *L'uomo propone, e Dio dispone* и др. Авторство пословицы приписывается нидерландскому монаху Фоме Кемпийскому, употребившему ее в сочинении «О подражании Христу».

Пословицы же, в которых антиподом Бога выступает черт, являются, по-видимому, реликтами восточнославянского язычества. При этом отождествление русинских пословиц с украинскими и русскими, предложенное Д. Попом в его словаре, можно несколько релятивизировать: *Гадав имити Бога за ноги, а имив чорта за хвіст*. Так, украинская пословица *Думає взяти Бога за ноги, а взяв дідька за хвіст* в украинских сборниках паремий отсутствует. Зафиксированы лишь паремии с близким образом, но без оппозиции *Бог – черт*: *Думає, що Бога за ноги зловив*; *Думає, що вже Бога за бороду впіймав* (ПП 1990: 306); *Бога піймав за ноги*; *Гадає, що вже бога за ноги вхопив* (ПП 1991: 295). Это мифологическое противостояние в украинском языке представлено пословицей с иным значением: *Бог дав, а чорт забрав* (ПП 1991: 295), причем характерно, что она зафиксирована именно в Закарпатье. Русская же пословица *Думал взять Бога за ноги, а взял черта за хвост* – не что иное, как буквальный перевод русинской, сделанный самим Д. Попом, ибо она отсутствует в БСРП.

Аналогичная ситуация и с украинскими, и с русскими эквивалентами русинских пословиц *Кого Бог б'є, того и чорт морить* и *Кого Богови не треба, того и чорт не бере*, приводимыми Д. Попом. Они в сводных собраниях украинской и русской паремиологии отсутствуют. Можно к ним отыскать (и то не без труда) лишь ассоциативно близкие, но периферийные параллели типа рус. *Не сам Бог карает, но площади* (т. е. вшей) *насылает*, зафиксированной в 1741 г. (БСРП 2010: 67).

Вера относится к числу базовых общечеловеческих ценностей. Приведенные пословицы демонстрируют связь между верой и Богом, в руках которого находится судьба человека. Кроме того, народная мудрость заключает, что молитва как инструмент обращения к Богу может совершаться везде, т. е. вера не зависит от времени и места.

3. Группа «трудолюбие – лень» представлена следующими русинскими паремиями:

Кошары – не плітки, и плести їх треба знати – укр. *беляси з баяндрасами* – рус. *Баясы точить – не цепом молотить*; *Кідь ся не изогнеш, та й гриба не урвеш* – укр. *Без труда нема плода* – рус.

Без труда не вытянешь и рыбки из пруда; Догаздовов на край – укр. *Трудився, трудився та й розорився* – рус. *Трудился, трудился, да и разорился*; *Лінивому усе свято* – укр. *Ледачому і в будень свято* – рус. *Трутням праздник и по будням; Земледілиць має на руках мозулі, а пан пирстіні* – укр. *У селянина на руках мозолі, а у пана перстні* – рус. *У крестьянина на руках мозоли, а у пана перстни*; *Лінивому и вода помалы кипить* – укр. *У лінивого і вода поволі закипає* – рус. *У ленивого и вода медленно закипает*; *Лінивому усе еколи* – укр. *П'ять день нічого не робимо, а шостий відпочиваємо* – рус. *У лентяя Федорки всегда отговорки*.

Ета група паремий несколько отличается по качеству украинских и русских паремий, представленных в словаре Д. Попа в качестве эквивалентов к русинским. Большинство из них, как легко увидеть, не тождественно по структуре и образности. Так, первая поговорка требует специальных культурологических комментариев, раскрывающих ее шуточно-иронический подтекст: *кошара* – ‘сарай или загородка для овец’, а *плітка* – ‘плетень’ и ‘сплетня’. Украинский же эквивалент, приводимый Д. Попом, – *баляси з баяндрасами* – не поговорка, а поговорка со значением ‘безделье, бесполезное и бессмысленное занятие’, в то время как рус. *Балясы точить – не цепом молотить* – поговорка, как кажется, искусственно созданная автором русинского словаря как гибрид известного фразеологизма *точить балясы* и реально существующих русских поговорок типа *Брехать – не цепом махать*; *Брехать (врать) – не цепом мотать*; *Языком брехать – не цепом махать*.

Региональная лексическая «маркировка» характерна и для русинской поговорки *Догаздовов на край* (букв. «дохозяйничался вконец»). Глагол здесь образован от слова *газда* ‘хозяин’, заимствованного из венгерского языка, но восходящего, в свою очередь, к славянскому **gospoda* (ЕСУМ 1982: 450–451).

Показательно, что украинский и русский эквиваленты этой русинской поговорки (*Трудився, трудився та й розорився*; *Трудился, трудился, да и разорился*) в известных нам источниках не зафиксированы. Ср. русские поговорки с глаголом *трудиться*: *Много трудился, а толку не добился* (Аникин 1988: 181); *На пашне потрудился, так и хлебушек уродился* (Спирин 1985: 30).

Вообще, наличие лексического или фонетического регионализма является одним из достаточно надежных признаков национальной специфичности русинских паремий. Таковы в нашем тематическом ряду поговорки, где фигурируют такого рода языковые «меченые атомы»: *кідь ‘пока’ (Кідь ся не изогнеш, та й гриба не урвеш)*; *мозулі* – укр. *мозолі* – рус. *мозоли (Земледілиць має на руках мозулі, а пан пир-*

стіні); помалы – укр. *поволі*, рус. *медленно*; *єколи* ‘есть время’ (*Лінивому усе єколи*). Не случайно поэтому некоторые украинские и русские пословицы, приводимые как параллели к соответствующим русинским, являются лишь буквальным переводом последних: *У селянина на руках мозолі, а у пана перстні* – *У крестьянина на руках мозоли, а у пана перстни*; *У лінивого і вода поволі закипає* – *У ленивого и вода медленно закипает*. Во всяком случае, они не зарегистрированы в украинских и русских паремиологических сборниках. Иное же дело – полновесные эквиваленты типа укр. *П'ять день нічого не робимо, а шостий відпочиваємо*, отраженные в несколько ином варианте в академическом собрании украинских пословиц: *П'ять день не робим, а два відпочиваємо*; *П'ять день нічого не робимо, а шостий відпочиваємо* (ПП 1989: 285); *Без труда нема плода* (ПП 1989: 276). Ср. также украинскую пословицу *Без трудів не їстимеш пирогів* (ПП 1989: 276) и известные русские пословицы *У лентяя Федорки всегда отговорки* или *Без труда не вытянешь и рыбки из пруда*, которые также легко найти в разных вариантах в своде русских пословиц: *У всякого Федорки свои отговорки*; *У ленивой Федорки свои отговорки* (БСРП 2010: 477, 942); *Без труда не вынешь (не вытянешь, не вытащишь) [и] рыбку из пруда* (БСРП 2010: 915). Здесь уже иная образность и структура украинских и русских паремиологических эквивалентов оттеняет национальный колорит русинских паремий.

При этом, с точки зрения отражения ценностных констант, русинские, украинские и русские пословицы полностью адекватны, ибо все они подчеркивают необходимость и значимость труда и осуждают безделье. В этом плане приведенный сопоставительный материал убедительно опровергает констатацию харьковского социолога, что в русской паремиологии труд оценивается негативно, а лень – с некоторой позитивной характеристикой, в то время как приоритеты украинской паремиологии в этих ценностных ориентирах противоположны (Таглін 1994). Такой вывод делается, как кажется, благодаря произвольной подборке пословиц на избранную тему, в то время как их народная диалектика универсальна. Не случайно в новейшей работе по украинской фразеологии на основе объективного исследования подчеркивается: «Відібраний матеріал ми поділили на двадцять мікроконцептосфер, які, на наш погляд, найповніше відтворюють негативні дії, вчинки людини. Українці здавна несхвально ставилися до тих людей, які байдикували, нічого не робили й відповідно їх негативно було охарактеризовано. Тому, очевидно, ця мікроконцептосфера виявилася найбільш репрезентативною» (Венжинович 2018: 211).

4. Группа «богатство – бедность» наиболее представлена в русинской паремиологии и включает около 50 пословиц, среди которых

три включают одноименную дихотомию или ее производные: *Богача спознають по платю, а бідного по платках; Богачови у горьшьку накопять, а бідному укупать; Богач їсть, а бідный слину промыкать, Кобы каждый быв богатый, ба ко бы бідовав*; четыре пословицы – прилагательное *богатый / бедный* или его дериваты: *Богачови дай, а вўн каже: ищи! Богатый, ги бык рогатый – у малі ворота не вміщаться; Бідный и напрудни голодный, Коли ся бідный наладив играти, гудакы вже пўшли спати*. Отдельную группу составляют паремии с русинским компонентом *грōші* (деньги): *Грōші не камінь, на душу не лігавуть; Грōші світом владівуть; Грōші на вшиткых языках говорять; За грōші вшитко купиш, лем не здōрѡвля и чисть; Фальшиві гроші не пропадуть; За пінязі мелтѡвшагош, а без гроши; Каждый на єдних грошох*, демонстрирующие понимание того, что деньги – главный символ богатства (Бредис 2017: 157). Эти количественные данные отражают лишь общую картину: превалирование пословиц с компонентом *деньги* в различных языках (Ничипорчик 2015: 174). В анализируемой группе лишь одна пословица *За грайцарь душу не купиш, лем чорту ї продаш* включает название денежной единицы, что, по мнению М.А. Бредиса, дает «дополнительные культурные сведения, добавляющие исследователю лингвокультурологическую компетенцию» (Бредис 2017: 139). Тем более что эту пословицу не фиксируют ни украинские, ни русские паремиологические собрания – ср. украинские пословицы с иным образным содержанием и иным наименованием денежной единицы: *За гроші не купиш ні батька, ні матері, ні родини* (ПП 1991: 111); *За гроші тільки рідного батька не купиш* (ПП 1991: 111).

Русинская пословица *Коли золото вспливає, правда тоне* демонстрирует связь богатства с правдой как взаимоисключающих понятий. В пословице *Бідный и напрудни голодный* обнаруживается соотношение понятий *бедность* и *голод*. О верховенстве и силе денег говорится в пословицах *Грōші світом владівуть* и *Грōші на вшиткых языках говорять*. Указание на дьявольское происхождение денег, связи богатства с нечистыми делами и помыслами содержат пословица *За грайцарь душу не купиш, лем чорту ї продаш* и устойчивое сравнение *богатый, ги чорт рогатый*.

Интернациональными по ценностной ориентации являются следующие русинские пословицы этой группы: *Богачови и чорт діти колыше* (рус. *У богатого черт детей качает*, укр. *Багачові і дідько дитину колише*); *И из-за золота слызы ся лють* (рус. *И через золото слезы льются*).

Пословицу *У богатого черт детей качает* впервые зафиксировал В.И. Даль, а спустя век М.А. Рыбникова в свое собрание включила паремию *У богатого сам черт детей качает, а у бедного и Бог люльки*

бросает (Рыбникова 1961: 148), что дает основание полагать: более распространенным является имплицированный вариант пословицы, это пример диахронического эллипсиса (Ломакина 2009).

В качестве эквивалента пословицы *И из-за золота слезы ся ллють* в своем словаре Д. Поп приводит рус. *Богатые тоже плачут* и укр. *Багаті також плачуть*. В данном случае правильнее было бы привести русскую поговорку *И через золото слезы льются*, которая зафиксирована в ряде паремиографических сборников начиная со словаря «Русские народные пословицы и поговорки» И.М. Снегирева (БСРП 2010: 381). Единица же, приведенная Д. Попом, представляет собой крылатое выражение, осознаваемое рядом носителей как пословица. Подбор таких эквивалентов объясняется распространением этой единицы как в русском, так и в украинском языке, о чем свидетельствует фиксация в книге Л.П. Дядечко «Новое в украинской и русской речи» (Дядечко 2001: 53).

Частичный эквивалент имеет русинская пословица *За грѣші вишитко купиш, лем не здѣрѣвля и чисть*; в русском языке – пословицы, подчеркивающие невозможность купить ум: *На деньги ума не купишь*, почет: *На деньги не купишь почет*, а также здоровье: *Здоровье дороже денег; Здоровье и на золото не купишь* (Зимин, Спиринов 1996: 145).

Как показали примеры, в русинской паремиологии в количественном отношении преобладают пословицы группы *богатство – бедность*. Будет ошибкой по количественному фактору судить о богатстве как ценностной доминанте русинов: такая картина характерна и для других языков, в т. ч. славянских.

ВЫВОДЫ

Изучение природы ценностей и средства их репрезентации в языке является перспективным направлением современной лингвистики, опирающейся на идеи антропоцентризма. Лингвокультурологический подход, предполагающий рассмотрение языка и культуры как единого и взаимно дополняющего друг друга начала, позволяет представить как ценностные константы – ментальные постоянные, характерные для того или иного народа, сформулированные им в виде паремий, которые выступают как ретрансляторы традиций, менталитета, национального характера, социального опыта.

В соответствии с типологией ценностей русинские пословицы были распределены по наиболее репрезентативным группам: *здоровье – болезнь, вера – Бог, трудолюбие – лень, богатство – бедность*. Русинская специфика, как показало ее сопоставление с аналогичной украинской и русской, проявляется в основном в форме паремий,

а не в их содержании, что подтверждает выдвинутый нами тезис о межславянском языковом взаимодействии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Приповідки або українсько-народна філософія / зібрав та видав В.С. Плавюк. Едмонтон, 1946.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин 1988 – *Аникин В.П.* Русские пословицы и поговорки. М.: Художественная литература, 1988. 431 с.

Байрамова 2014 – *Байрамова Л.К.* Пословицы в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка: словаре ценностей и антиценностей» // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 10–12.

Бартминьский 2005 – *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 512 с.

Бредис 2017 – *Бредис М.А.* Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 346 с.

БСРП 2010 – *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / Под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

Венжинович 2018 – *Венжинович Н. Ф.* Фраземіка української літературної мови: когнітивний та лінгвокультурологічний аспекти: дис. ... д-ра філол. наук. Київ, 2018. 504 с.

Гусев, Тульчинский 1985 – *Гусев С.С., Тульчинский Г.Л.* Проблема понимания в философии. М.: Политиздат, 1985. 192 с.

Дядечко 2001 – *Дядечко Л.П.* Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крилаті слова (материалы для словаря): учеб. пособие. Ч. 1: А–Г. К.: Компьютерпрес, 2001. 145 с.

ЕСУМ 1982 – *Етимологічний словник української мови / Гол. ред. О.С. Мельничук: у 7 т. Т. 1: А–Г. К.: Наукова думка, 1982. 631 с.*

Зимин, Спириин 1996 – *Зимин В.И., Спириин А.С.* Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М.: Сьюта, 1996. 544 с.

Копорова и др. 2016 – *Копорова К., Голубкова М., Плішкова А.* Русиньско-російські фразеологічні еквіваленти із звірячим компонентом // Русин. 2016. № 3 (45). С. 68–89. DOI: 10.17223/18572685/45/6

Ломакина, Мокиенко 2009 – *Ломакина О.В.* Диахронический эллипсис паремий как способ появления новых фразеологизмов в русском языке (на материале текстологии Л.Н. Толстого) // Слово в языке и речи: междунар. сб.

науч. тр. в честь 70-летия д-ра филол. наук проф. О.И. Литвинниковой. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2009. С. 201–205.

Ломакина, Мокиенко 2018 – *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // *Славянская микрофилология* / Под ред. А.Д. Дуличенко, Мотоки Номати. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2018. (Slavic Eurasian studies; № 34). С. 103–128.

Ломакина 2016 – *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // *Русин.* 2016. № 3 (45). С. 119–128. DOI: 10.17223/18572685/45/9

Ничипорчик 2015 – *Ничипорчик Е.В.* Отражение ценностных ориентаций в паремиях. Гомель: ГГУ им Ф. Скорины, 2015. 358 с.

Подобин, Зимина 1956 – *Подобин В.М., Зимина И.П.* Русские пословицы и поговорки. Л.: Лениздат, 1956. 423 с.

ПП 1989 – *Прислів'я та приказки.* Упорядник М.М. Пазяк. Т. 1: Природа. Господарська діяльність людини. К.: Наукова думка, 1989. 479 с.

ПП 1990 – *Прислів'я та приказки.* Упорядник М.М. Пазяк. Т. 2: Людина. Родинне життя. Риси характеру. К.: Наукова думка, 1990. 524 с.

ПП 1991 – *Прислів'я та приказки.* Упорядник М.М. Пазяк. Т. 3: Взаємини між людьми. К.: Наукова думка, 1991. 440 с.

Радбиль 2018 – *Радбиль Т.Б.* Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // *Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах* / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. С. 23–35.

Рыбникова 1961 – *Рыбникова М.А.* Русские пословицы и поговорки. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 230 с.

Спирин 1985 – *Спирин А.С.* Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1985. 204 с.

Таглін 1994 – *Таглін С.* Про народні паремії, національну свідомість та «малоросіяństwo» як етнопсихологічний феномен // *Збірник Харківського історико-філологічного товариства. Нова серія.* Харків: Харків Око, 1994. Т. 3. С. 21–28.

REFERENCES

Anikin, V.P. (1988) *Russkie poslovitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Bayramova, L.K. (2014) Proverbs in “Axiological Dictionary of the Russian Idioms, the Dictionary of Values and Antivalues”. *Vestnik Novgorodskogo*

gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Yaroslav The Wise Novgorod State University. 77. pp. 10–12.

Bartminskiy, E. (2005) *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [The Language Image of the World: Essays on Ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.

Bradis, M.A. (2017) *Predstavleniya o denezhnykh otnosheniyakh v poslovitsakh (na materiale russkogo, latyshskogo, litovskogo, nemetskogo i angliyskogo yazykov)* [Representations of monetary relations in proverbs (in Russian, Latvian, Lithuanian, German and English)]. Philology Cand. Diss. Moscow.

Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bolshoy slovar' russkikh poslovi* [The Great Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.

Venzhinovich, N.F. (2018) *Frazemika ukrains'koï literaturnoi movi: kognitivniy ta lingvokul'turologichniy aspekti* [Phraseology of Ukrainian standard language: Cognitive and Linguocultural Aspects]. Philology Dr. diss. Kyiv.

Gusev, S.S. & Tulchinskiy, G.L. (1985) *Problema ponimaniya v filosofii* [The problem of understanding in philosophy]. Moscow: Politizdat.

Dyadechko, L.P. (2001) *Novoe v russkoy i ukrainskoy rechi: Krylatyye slova – krlitai slova (materialy dlya slovary)* [New in Russian and Ukrainian speech: Catchwords (materials for the dictionary)]. Kyiv: Komp'yuterpres.

Melnichuk, O.S. (1982) *Etimologichniy slovník ukrains'koï movi* [Ukrainian Etymological Dictionary]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

Zimin, V.I. & Spirin, A.S. (1996) *Poslovi* [Proverbs and sayings of the Russian people]. Moscow: Syuita.

Koporova, K., Golubkova, M. & Plíshkova, A. (2016) Rusin-russian idiomatic equivalents with the zoonymic component. *Rusin*. 3 (45). pp. 68–89 (In Rusin). DOI: 10.17223/18572685/45/6

Lomakina, O.V. (2009) Diakhronicheskiy ellipsis paremiy kak sposob povavleniya novykh frazeologizmov v russkom yazyke (na materiale tekstologii L.N. Tolstogo) [Diachronic ellipsis of paroemia as a way of the emergence of new phraseological units in the Russian language (a case study of L.N. Tolstoy)]. In: Litvinnikova, O.I. (ed.) *Slovo v yazyke i rechi* [Word in Language and Speech]. Elets: Elets State University. pp. 201–205.

Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Karpatorusinskie somaticheskie paremii na slavyanskom fone [Carpatho-Rusin somatic paraemias on the Slavic background]. In: Dulichenko, A.D. & Nomati, M. (eds) *Slavyanskaya mikrofilologiya* [Slavic Microphilology]. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University. pp. 103–128.

Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016) Cognitive potential of rusin proverbs compared with those in the russian and ukrainian languages. *Rusin*. 3. pp. 119–128 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/9

Nichiporchik, E.V. (2015) *Otrazheniye tsennostnykh oriyentatsiy v paremiyakh* [Values in paroemias]. Gomel: Gomel State University.

Podobin, V.M. & Zimina, I.P. (1956) *Russkie posloviitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Leningrad: Lenizdat.

Pazyak, M.M. (ed.) (1989) *Prislív'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

Pazyak, M.M. (ed.) (1990) *Prislív'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.

Pazyak, M.M. (ed.) (1991) *Prislív'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.

Radbil, T.B. (2018) Vera kak osnova mirovospriyatiya i miroponimaniya v russkoy yazykovoy kartine mira [Faith as the basis of world perception and world outlook in the Russian language picture of the world]. In: Arutyunova, N.D. & Kovshova, M.L. (eds) *Lingvokul'turologicheskie issledovaniya. Logicheskiy analiz yazyka. Ponyatie very v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Linguocultural studies. Logical analysis of the language. The concept of faith in different languages and cultures]. Moscow: Gnozis. pp. 23–35.

Rybnikova, M.A. (1961) *Russkie posloviitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow: USSR AS.

Spirin, A.S. (1985) *Russkie posloviitsy. Sbornik russkikh narodnykh posloviitsy i pogovorok, prislivits, molvushek, prigovorok, priskazok, krylatykh vyrazheniy literaturnogo proiskhozhdeniya* [Russian proverbs. The collection of Russian folk proverbs and sayings, molusvushki, priskazki and catchwords of literary origin]. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University.

Taglín, S. (1994) Pro narodni paremií, natsional'nu svidomist' ta «malorosiyanstvo» yak etnopsikhologichnii fenomen [On people's paroemias, national consciousness and “Little Russians” as ethnopsychological phenomenon]. *Zbírnik Khar'kívs'kogo ístoriko-filologíchnogo tovaristva. Nova seriya*. 3. pp. 21–28.

Ломакина Ольга Валентиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия).

Olga V. Lomakina – St. Tikhon's Orthodox University, People's Friendship University of Russia (Russia).

E-mail: rusoturisto07@mail.ru

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Valerij V. Mokienko – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: mokienko40@mail.ru